

УДК 821.161.1

А.Т. МАЛИНОВСКИЙ,
*кандидат филологических наук,
доцент кафедры мировой литературы
Одесского национального университета имени И.И. Мечникова*

ИДИЛЛИЧЕСКОЕ В РОМАНЕ И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»

Анализируется фрагмент романа И.А. Гончарова «Обломов», в котором идиллическая модальность реализуется в наиболее сконцентрированном виде. В этой связи обосновывается мысль о том, что «Сон Обломова» – это «фокус» идиллического в романе. Его выражением предстает идиллический хронотоп, структура которого характеризуется максимальной стратифицированностью, которая предполагает дробное членение изображаемого на пространственно-временные сегменты.

Ключевые слова: идиллическое, хронотоп, жанр, мифологизм, модальность, архитектоника.

«**Ф**окусом» идиллического для самого автора является «Сон Обломова», в котором обнаруживается «причина» и «следствие» художественной целостности романа. И.А. Гончаров в письме к И.И. Лъховскому следующим образом определил жанр своего романа: «Вся эта большая сказка должна, кажется, сделать впечатление, но какое и насколько, не умею еще решить» [3, с. 244]. Подобная авторская атрибуция жанра относится к периоду работы над «Обломовым», следовательно, речь идет о процессе разрывывания художественной целостности, еще не пришедшей к осознанию своего единства, то есть завершающей фазе. Ведь Гончаров не знает, каким именно будет восприятие его романа читателями, но вместе с тем он уверен, что «эта большая сказка должна... сделать впечатление...» [3, с. 244].

Таким образом, речь идет об установлении в романе центра, «фокуса», то есть целого, рассеивающегося, в свою очередь, на ряд составляющих целых. Как мы уже отмечали, этим художественным «фокусом» становится «Сон Обломова», который, по мнению Ю. Лощица, представляет собой «образный и смысловой ключ к пониманию всего произведения, идейно-художественное средоточие романа» [7, с. 180]. Поскольку этот фрагмент в наибольшей степени приближается к жанру идиллии, «внутренняя мера» романа, его модальность определяются во многом идиллическостью. Вместе с тем «Сон Обломова» нельзя отождествить с идиллией в полном смысле этого слова. Это идиллия только по форме, которая благодаря своей устойчивости, живучести входит в качестве составляющего компонента в «большие жанры», сигнализируя тем самым о наступлении «конца идиллического состояния» [8, с. 176]. В связи с этим процесс разрушения идиллического жанра трансформируется в роман, в котором идиллия проявляется на уровне модальности, обусловленной, во-первых, тем, что повествователь, принадлежа большому миру, дистанцирует себя от изображаемого, а во-вторых, этот мир увиден изнутри глазами ребенка.

Автор переключает внимание на изображение «благословенного уголка», напоминающего собой Вселенную в миниатюре. В воссоздании Обломовки реализуется этологическая модель мира, которая, «питаясь энергией отталкивания, осознаваемого как разрыв с историей» [12, с. 4], вступает во взаимодействие с романическим началом. В то же время «Сон Обломова» характеризуется всеми признаками художественного целого, во-первых, потому, что в нем возрождается самостоятельный жанр физиологического очерка, кото-

рый, даже будучи включенным в роман, тем не менее сохраняет отграниченность, обособленность от него. Однако перерастая рамки очерка, «Сон Обломова» представляет собой целостную модель мира, актуализируемую тогда, когда «надо демонстрировать наличие идеала в противовес ошибкам действительности» [12, с. 51]. Идиллия, таким образом, выступает «источником критики действительности, источником противоречий идеала и действительности» [12, с. 51].

Наиболее адекватной является интерпретация реализованной в «Сне Обломова» модели мира с точки зрения идиллического хронотопа, представляющего собой «определенный способ художественного освоения временных и пространственных примет мира» [1, с. 270]. По мнению А.А. Слюсаря, «пространственно-временным отношения в идиллии с ее соотношенностью маленького мирка и большого мира, т. е. замкнутой и разомкнутой структур принадлежит исключительно важная роль». Ведь «идиллия – выступает в качестве художественного аналога жизни и, следовательно, воссоздает определенный хронотоп» [10, с. 21]. При этом не жанр идиллии, а заключенная в нем концепция продолжает жить, модифицируясь в неидиллических жанрах.

Обломовка представляет собой модель земного рая, реализованного в целостном пространственно-временном континууме. Это не часть другого обширного пространства, а самостоятельный мир, воспринимающийся, по словам А. Нямцу, как «абсолютно самодостаточный континуум» [9, с. 15]. Сама этимология топонима Обломовка восходит, во-первых, к архаическому слову «обло», означающему круг, окружность, а во-вторых, к значению обломка, то есть «остатка чего-либо прежде существовавшего, исчезнувшего» [7, с. 543]. В самом деле, изображаемый мир напоминает обломок Эдема, что выражается на уровне стиля в соответствующих метафорических номинациях («благословенный уголок», «чудный край»), а во-вторых, в его пространственной отдаленности. Ведь Обломовка была расположена «чуть ли не в Азии». Кроме того, она изолирована не только от далекого внешнего мира, но и от близлежащих деревень. Обломовские крестьяне могли приблизиться лишь к берегам Волги, а поездка в уездный город считалась едва ли не событием. Таким образом, автор воссоздает, если воспользоваться терминологией А. Мида, модель «закрытого общества», в максимальной степени изолированного от соприкосновения с миром цивилизации.

Наиболее адекватной для интерпретации единства идиллического пространства и времени представляется предложенная Ю. Лощицем модель замкнутого круга. При этом первичным здесь является пространство, которое благодаря своей локализованности и однородности обуславливает циклическое движение времени. М. Бахтин, анализируя разные модификации идиллического в художественной литературе, вместе с тем отмечает всегда присущее идиллии единство пространства и времени. Проявляется это в том, что «единство места жизни поколений ослабляет и смягчает все временные грани между индивидуальными жизнями и между различными формами одной и той же жизни... Это определяемое единством места смягчение всех граней времени существенно содействует и созданию характерной для идиллии циклической ритмичности времени» [1, с. 258].

Замкнутость пространства и цикличность протекающего в его границах времени определяет мирозерцание обитателей Обломовки. Автор воссоздает додуховное существование, приравнивая его к «золотому веку» человечества, его «детству». В этом смысле Обломовка напоминает Ликейские острова, представляющие собой модель статичного общества и в романе, и в цикле очерков «Фрегат „Паллада“». Гончаров актуализирует метафору «сна», с помощью которой он передает жизнь, остановившуюся в своем развитии на той стадии, где начинается царство духа. Отсюда – в изображении «детской» жизни в Обломовке возникают параллели с ветхозаветными и гомеровскими временами. Действительно, Обломовка напоминает воссоздание «золотого века» человечества в «Трудах и днях» Гесиода. Как и люди «золотого века», обломовцы живут счастливой жизнью, не зная трудов, доживая до глубокой старости и умирая, в конце концов, объятые сном. Даже отношение к труду сближает обломовцев с описанным Гесиодом архаическим мировосприятием. Ведь они видели в труде наказание, наложенное на первых людей Адама и Еву за их грехопадение. Для обломовцев понятие греха существует, прежде всего, в ветхозаветном понимании как нарушение «заведенного и освященного традицией порядка, Закона» [4, с. 201].

«Счастливые люди жили, думая, что иначе и не должно и не может быть, уверенные, что все другие живут точно так же и что жить иначе – грех».

Воссоздание подобного отношения к миру оказывается возможным благодаря идиллической организации пространственно-временного континуума. А.А. Фаустов совершенно справедливо пишет, что «жизненным субстратом идиллии могут быть такие типы бытия, которым свойственна открытость природе и наличие таких субъектов, которые свободны для досуга, связаны между собой личностными, а не конвенциональными или близкими отношениями и ощущают себя членами одной „родственной“ общности. Это не только пастьешское, но и усадебное или дачное существование» [11, с. 4].

Но следует отметить, что в «Сне Обломова» изображена не просто национально-конкретизированная форма идиллического мироустройства, а идиллия, в которой посредством патриархального усадебного быта воссоздается архаическое мышление. Мировосприятие обломовцев носит мифологический характер. Наиболее отчетливо эта черта передается в отношении к окружающему их внешнему миру. Обломовцы были настолько убеждены в самодостаточности своего мирка, что всяческим образом избегали контактов с внешним миром, который они воспринимали как пространство опасное и враждебное. Подобно архаическому человеку, боявшемуся вмешательства сил хаоса в его частную жизнь, обломовцы упорядочивали свои представления о мире с помощью мифа. Они знают о существовании губернии, за которой находились то ли Саратов, то ли Нижний, слышали о том, что есть Москва и Петербург, за которыми живут то ли французы, то ли немцы, «а дальше уже начинался для них, как для древних, темный мир, неизвестные страны, населенные чудовищами, людьми с двух головами, великанами – там следовал мрак – и, наконец, все оканчивалось той рыбой, которая держит на себе землю».

В подобном отношении к миру главным является «глубинно-символическое» (И.А. Есаулов) значение, с помощью которого автор в обобщенной форме передает специфику патриархального народного мышления. Одним из проявлений этого мышления является актуализируемая в народном сознании мифологическая оппозиция «свое – чужое». С этой точки зрения «чужое» действительно воссоздается как «мрак», «темный мир», поскольку оно неизвестно человеку, а значит, представляет для него опасность. Пространство «своего» – это прежде всего обжитая часть усадьбы, домашний мирок, в котором господствует не «мрак», а наоборот, «свет и солнце».

Следует отметить, что пространственная оппозиция «свое – чужое» реализуется не только в мифологических представлениях обломовцев о другом мире, но и внутри обособленного от окружающего их собственного мирка. Обломовцы придавали отдельным местам в усадьбе сакрально-мифологическое значение. Опасным местом, находящимся посередине между усадьбой и лесом, то есть между «своим» и «чужим», считался овраг. Его боялся не только маленький Илюша, но и взрослые обломовцы, связывавшие с оврагом различные «толки и предания». Обнаружив в овраге незнакомого, дети, объятые ужасом, представляют его в виде змея или оборотня, а взрослые обломовцы вообще избегают контакта с ним, так как он «нездешний».

Мифологическим является представление обломовцев о времени. Они боятся не только оврага как запрещенного места, но даже выходить за ворота в крещенский вечер или идти в конюшню в пасхальную ночь представлялось им опасным, поскольку «в Обломовке верили всему: и оборотням, и мертвецам».

Мифологическое восприятие пространства и времени в Обломовке предполагает существование границы, отделяющей «свое» от «чужого», внутренний замкнутый мирок от враждебного ему внешнего пространства. Ю.М. Лотман отмечает: «В отличие от уюта и безопасности – законов внутреннего мира, внешний населен опасностями и вызывает у обитателей внутреннего настороженность и тревогу» [6, с. 637].

Идиллический хронотоп предполагает незыблемость, непроницаемость своих границ. Как и в первом романе, в «Обломове» пространство идиллии структурируется по кольцеобразному принципу. Оно состоит из дома, двора и запущенного сада, оканчивающегося оврагом, который был местом пересечения идиллической границы. Перед нами «особый мир с кольцеобразной топографией, причем каждое из колец – это особый пояс границы, который чем ближе к центру, тем недоступнее для внешнего мира» [6, с. 636]. Не-

даром обломовцы так любили проводить зимние вечера в тусклой гостиной с закрытыми ставнями, защищавшими от холодного и неуютного внешнего мира. Пространство внутри дома в наибольшей степени выполняет функцию защиты. В нем подчеркиваются уют и неторопливое течение времени: слышится *«только качанье маятника, стук сапогов Обломова да легкий треск откушенной нитки»*.

Двор и сад представляет собой пространство, близкое к природе. Поскольку они не разделены, то вместе образуют промежуточное пространство между домашним уютным мирком и миром необжитым, диким. Именно в пределах этого промежуточного пространства проявляется самостоятельность Илюши Обломова. Его тянет в глушь сада, где он наслаждается дикими корешками, предпочитая их домашним яблокам и варенью. Он прыгает в березняк и в овраг... Вместе с тем двор – это срединный локус, соединяющий людскую с господским двором. Поскольку это место повторяющейся изо дня в день хозяйственной деятельности обломовцев, их перемещения по двору напоминают движение по кругу. Это движение характеризуется замкнутостью. При этом своего рода панорама жизни занятых домашним бытом обломовцев изображается в статике. Вид на двор открывается из окна дома, у которого сидит отец Обломова, наблюдая как все «суетилось и заботилось, все жило такою полною, муравьиною, такою заметною жизнью».

Поскольку идиллическое пространство предполагает неизбежность границ, пересечение которых означало опасность, разрушение замкнутого мирка, обломовцы никогда не покидали пределов своего поместья и к «чужим», «нездешним» относились с настороженностью. Даже весть из внешнего мира была для них событием, случаем, «необыкновенным явлением», угрожавшим нарушением стабильности и благополучия их замкнутого мирка. Получив из города письмо, обломовцы боятся его распечатывать, ссылаясь на порчу нравов в современном обществе (*«...может быть еще страшная беда какая-нибудь. Вишь ведь народ-то нынче какой стал!»*) Это тотальная боязнь соприкосновения с внешним миром получает такие гиперболизированные масштабы, что автор прибегает к иронизированию, перерастающему в сатирическое осмеяние неразвитости обломовцев. Ведь в письме, как оказалось, содержалась просьба о присылке рецепта пива. Обрадовавшись этому, обломовцы всякий раз откладывали, а в конце концов так и не послали ответ, «дожидаясь оказии». Таким образом, установление коммуникативных связей идиллического общества с внешним миром оказывается принципиально невозможным. Причиной этому во многом является мифологичность мышления обломовцев, предполагающая существование неизбежной идиллической границы.

Мифологичность характеризует и восприятие обломовцами времени. Для патриархального человека время начинает сокращаться, приближаясь к своему завершению. В мирозерцании обломовцев выражается прежде всего апокалиптическая концепция времени. В этом смысле точка зрения одного из представителей обломовского мира Натальи Фаддеевны напоминает типично патриархальную позицию Феклуши из «Грозы» А.Н. Островского: *«Придут последние дни: восстанет язык на язык, царство на царство ... наступит светопреставление!»*

Следует отметить, что мифологичность восприятия времени вместе с тем предполагает его ритуальность. Подобно пространству, характеризующемуся замкнутостью, движение времени в идиллии носит кругообразный характер (*«Правильно и невозмутимо совершается там годовой круг»*). Круговое движение времени обусловлено, во-первых, цикличностью смен времен года, а во-вторых, основными актами человеческой жизни – рождением, крещением, свадьбой, похоронами – которые и составляли суть обломовского бытия. Ритуальность предполагает такие черты идиллического времени, как «циклическая ритмичность» и повторяемость.

Разумеется, такой характер времени «выражается прежде всего в особом отношении к пространству...» Ведь «идиллическая жизнь и ее события неотделимы от этого конкретного пространственного уголка, где жили отцы и дети, где будут жить дети и внуки» [1, с. 257]. Протекающее в идиллии время – бесконечно длящееся, оно не имеет ни начала, ни конца. Это статическое, остановившееся время «золотого века». Поэтому обломовцы, живущие с их точки зрения в то время, когда нравы начинают утрачивать свою чистоту, в еще большей степени отделяют себя от остального мира.

Вполне закономерно, что «локализованный в этом ограниченном пространственном мире ряд жизни поколений может быть неограниченно длительным» [1, с. 260]. Длительность, неизменяемость временного цикла обуславливает его повторяемость. Неслучайно для его воссоздания И.А. Гончаров избирает форму сна, который как бы приостанавливает, задерживает течение времени. Академик Д.С. Лихачев отмечает эту особенность в изображении сна как прием типизации, «для которого основное в указании на медленность изменяемости или на неизменность медлительности, ритмичность чередований, повторяемость и безотчетность событий, как бы погруженных в дрему, в сон» [5, с. 96].

Действительно, сон охватывает всю Обломовку – и ее природу, и быт. Даже мысли людей скованы этой повторяемостью жизненных явлений. Обломовцев осеняют одни и те же мысли в сходных обстоятельствах. Старик Обломов всякий раз, когда видел из окошка доски и перила развалившейся галереи, был озабочен мыслью об ее поправке. «Философия» времени обломовцев подчинена идиллическому круговороту. «Вот жизнь-то человеческая, – поучительно произнес Илья Ильич, – один умирает, другой рождается, третий женится, а мы вот все стареемся: не то что год на год, день на день не приходится! Зачем это так? То ли бы дело, если бы каждый день как вчера, вчера как завтра! Грустно, как подумаешь...» [2, с. 154].

В Обломовке нет ничего внезапного, совершающегося не по календарю. Данная особенность времени выражается даже в грамматических формах: переходы от прошедшего к настоящему и от будущего к прошедшему подчеркивают, что время в Обломовке не имеет особого значения. И.А. Гончаров воссоздает обобщенный образ этой созерцательной, «сонной» жизни: «Ничего не нужно: жизнь, как покойная река, текла мимо их; им оставалось только сидеть на берегу этой реки и наблюдать неизбежные явления, которые по очереди, без зову, представали пред каждого из них» [2, с. 155]. Речь скорее может идти не о течении времени, а о воссоздании вневременного состояния.

Поскольку описание в «Сне Обломова» основано на идиллическом хронотопе, то данный фрагмент произведения приближается к идиллии в её «чистом» выражении, т.е. канонической форме. Действительно, в «Сне...» обнаруживаются все конститутивные признаки этого жанра: циклическая повторяемость времени, замкнутость и непроницаемость пространства, гармоничное единство человека и природы. Все перечисленные признаки определяют «объем» жанра, воссоздающего идиллические «реальности»: культ еды, смех, сон и смерть. Вместе с тем изображенную в «Сне Обломова» «картину нравов» нельзя отождествлять с идиллией в полном смысле этого слова. Являясь «костяком» жанрового целого, его «архитектонической формой» (М. Бахтин), идиллия при этом соприкасается с сатирико-утопической модальностью. Однако эта модальность проявляется лишь на уровне пафоса и не находит отражения в хронотопе. Следовательно, она «подчиняется» преобладающей в «Сне Обломова» идиллии, которая, впрочем, утрачивая свою жанровую чистоту, сама становится выражением этой модальности.

Список использованных источников

1. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
2. Гончаров И.А. Обломов / И.А. Гончаров. – Л.: Наука, 1987. – 695 с.
3. Гончаров И.А. Письма / И.А. Гончаров // Собр. соч.: в 8 т. – М.: Художественная литература, 1980. – С. 187–488.
4. Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности / И.А. Есаулов. – М.: Круг, 2004. – 560 с.
5. Лихачев Д.С. Нравоописательное время у Гончарова / Д.С. Лихачев // Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. – СПб.: Алетейя, 1997. – С. 93–99.
6. Лотман Ю.М. О русской литературе. Статьи и исследования / Ю.М. Лотман. – СПб., Искусство-СПб, 1997. – 848 с.
7. Лошиц Ю.М. Гончаров / Ю.М. Лошиц. – М.: Молодая гвардия, 1986. – 367 с.
8. Манн Ю.В. Русская литература XIX века. Эпоха романтизма / Ю.В. Манн. – М.: РГГУ, 2007. – 518 с.

9. Нямцу А. Легендарно-мифологическая традиция в романе И.А. Гончарова «Обломов» / А. Нямцу // Проблемы сучасного літературознавства. – 2006. – Вып.14. – С. 165–180.

10. Слюсарь А.А. Жанровые особенности «Старосветских помещиков» Н.В. Гоголя / А.А. Слюсарь // Вопросы русской литературы. – 1990. – Вып. 1 (55). – С. 18–27.

11. Фаустов А.А. Роман И.А. Гончарова «Обломов» : художественная структура и концепция человека : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / А.А. Фаустов. – Тарту, 1990. – 17 с.

12. Поспишил И. Ключевые проблемы современной генологии и концепция «жанрового объема» / И. Поспишил // Litteraria humanitas: genologicke Studie. – Brno, 1990. – С. 47–57.

Аналізується фрагмент роману І.О. Гончарова «Обломов», в якому ідилічна модальність реалізується в найбільш концентрованому вигляді. У зв'язку з цим обґрунтовується думка про те, що «Сон Обломова» – це фокус ідилічного у романі. Його втіленням постає ідилічний хронотоп, структура якого характеризується максимальною стратифікованістю, що передбачає дрібне членування об'єкта зображення на просторово-часові сегменти.

Ключові слова: ідилічне, хронотоп, жанр, міфологізм, модальність, архітектоніка.

The article analyzes a fragment of I. Goncharov's novel «Oblomov» where the idyllic modality is realized in the most extensive way. That's why the idea of Oblomov's Dream being the focus of the idyllic in the novel has been grounded. It is expressed with the help of an idyllic chronotope which structure is characterized by the extreme stratification that provides a fractional division of the depicted into spatio-temporal segments.

Key words: idyllic, chronotope, genre, mythologism, modality, architectonics.

Одержано 12.09.2013.